

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Появление человека не может быть представлено в качестве закономерного и неизбежного результата эволюции живого вещества и Вселенной в целом. Это появление можно понять в качестве результата спонтанного процесса по аналогии с клинаменом Эпикура.

Ключевые слова: человек, антропогенез, инстинктивное поведение, свобода, необходимость, спонтанность.

Поява людини не може бути представлена як закономірний та неминучий результат еволюції живої речовини і Всесвіту в цілому. Цю появу можна зрозуміти як результат спонтанного процесу, аналогічного клінамену Епікура.

Ключові слова: людина, антропогенез, інстинктивна поведінка, воля, необхідність, спонтанність.

The origin of the Homo sapiens cannot be presented as the inevitable result of evolution of the living matter and the Universe as a whole. This emergence can be understood as the result of spontaneous process by analogy with Epicurus clinamen.

Keywords: homo sapiens, anthropogenesis, instinctive behavior, freedom, necessity, spontaneity.

Существуют многочисленные попытки определения человека в качестве носителя сознания, субъекта познавательного процесса, существа трансцендирующего, экзистирующего... Мы обратимся к определению человека, которое в свое время сформулировал Рене Декарт.

В «Рассуждении о методе» Декарт пишет о том, что животное можно рассматривать как машину, созданную руками Божьими, поэтому она способна к более удивительным движениям, нежели машины, изобретенные людьми.

Тем не менее, у животных и машин есть общие свойства, в одинаковой мере отличающие их от человека. И даже если можно было бы изготовить машины, которые имели бы сходство с нашим телом и подражали нашим действиям, насколько это мыслимо, то все равно есть способы определить, что это не настоящие люди.

Дело в том, что нельзя представить, что машина может расположить слова *различными способами*, чтобы ответить на сказанное в ее присутствии, в то время как на это способен любой человек. Эта способность человека и неспособность машины разными способами отвечать на сказанное отличает их друг от друга.

Далее Декарт пишет о том, что хотя такая машина могла бы многое сделать лучше, чем человек, однако в чем-то другом она

оказалась бы несостоятельной. И вот тогда обнаружилось бы, что она действует не сознательно, а *благодаря расположению своих органов* (здесь и ниже курсив наш. – М.Н.). Ибо в то время, как разум - *универсальное* орудие, могущее служить при самых разных обстоятельствах, *органы машины нуждаются в особом расположении для каждого отдельного действия*. И немислимо, чтобы в машине было столько различных расположений, чтобы она могла действовать *во всех случаях жизни* так, как «нас заставляет действовать наш разум».

То, что машины лучше нас действуют, продолжает Декарт, не доказывает, что у них есть ум; ибо по такому расчету они обладали бы им в большей мере, чем любой из нас, и делали бы все лучше нас; это доказывает, что ума они не имеют и природа в них действует сообразно расположению их органов, подобно тому как часы, состоящие только из колес и пружин, точнее измеряют время, чем мы со всем нашим благоразумием [5, с. 282-285].

Итак, машина и животные действуют сообразно расположению их органов. То есть их внутренняя структура, определенный способ телесного устройства определяют их действия, которые, конечно же, могут быть в чем-то сложнее и совершеннее, чем действия того или иного человека. Действия же человека универсальны, и эта универсальность не может быть обеспечена каким угодно расположением органов. Потому что расположение органов всегда является определенным, оно именно такое, а не иное. Эта определенность предопределяет и круг возможных действий данного существа.

Важно то, что декартовский способ противопоставления человека остальным живым существам получает обоснование при рассмотрении того, в чем состояло существо становления человека как особого вида живых существ. И здесь выясняется, что дело состоит не просто в усложнении нервной системы, психики, в переходе к прямохождению и т.п.

Мы обращаемся к «Лекциям по психологии» П.Я. Гальперина. Автор пишет, что одним из важнейших результатов антропогенеза является то, что по мере того, как общественные отношения захватывали все более и более широкие слои отношений между людьми и их отношений к природе, происходило систематическое торможение и, в конце концов, отмирание инстинктов. Там, где это торможение удавалось, группы становящихся людей успешней выдерживали конкуренцию с другими группами, у которых законы прямого, инстинктивного отношения к условиям среды перебивали систему общественных отношений [4, с. 135].

Итак, речь идет об отмирании инстинктов. Но что это такое – поведение на основе инстинкта?

Гальперин пишет, что внутренним механизмом инстинктивного поведения является специфическая чувствительность, связанная с потребностью. Эта специфическая чувствительность определяется строением организма данного животного и определяет отношение к объектам внешней среды. Поэтому животное не может стать ничем, кроме того, что оно есть, так как своим строением оно накрепко связано с определенным отношением к внешней среде.

Потребности же человека не связаны со специфической чувствительностью, поэтому выбор объекта, способы его добывания и потребления диктуются не его (человека) строением, но тем, как живет данная группа людей. Поэтому важнейшим достижением процесса антропогенеза является разрушение инстинктивного отношения к среде.

Очевидна перекличка Гальперина с Декартом, хотя в соответствующих разделах «Лекций» нет прямых ссылок на французского философа. Поведение животного определяется его телесным строением, или, как пишет Декарт, расположением его органов. А поведение человека не диктуется его телесным строением. Гальперин пишет: то, что у животных возлагается на организм, у человека переносится на изготовляемые им средства существования, благодаря которым человек выживает в самых различных условиях. Итак, мы имеем противопоставление животного и человека по линии определения или неопределения поведения внутренним телесным строением.

Посмотрим на ситуацию шире. Свойства предметов неживой природы, их реагирование на внешнее воздействие ведь также определяется их физическим или химическим строением (составом).

Свойства, например, Солнечной системы, определяются гравитационным взаимодействием ее элементов – Солнца, планет, комет и т.д. Даже результат внешних воздействий на Солнечную систему со стороны процессов галактического масштаба будет определяться строением самой Солнечной системы. А свойства воды – температура кипения при заданном атмосферном давлении, ее удельный вес, плотность и т.д. – определяются строением ее молекулы: определенным расположением двух атомов водорода в пространстве по отношению к атому кислорода.

В общей форме о свойствах физического можно сказать следующее. Физическим телом называется такое явление, которое полностью пространственно выражено в своем содержании. То есть все, что можно сказать о структуре этого явления, о его составе и строении, таково, что оно полностью развернуто для внешнего пространственного наблюдения или разрешимо на каких-либо наблюдаемых частях внешнего пространства [9, с. 13].

Ясно, что под такое широкое определение попадают и живые организмы, поведение которых тоже определяется пространственным расположением их органов.

Можно возразить, что живые организмы есть все же нечто большее, чем физические тела с определенным пространственным строением. И с этим необходимо согласиться. Но если мы берем в качестве общего контекста материальные процессы во Вселенной, определяемые ее *физическими* свойствами, то учет только тех свойств живых организмов, которые диктуются пространственным расположением их органов, выступает естественным ограничением, оставляющим за скобками это «нечто большее».

Итак, свойства объектов неживой материи и поведение живых существ, за исключением человека, определяются их строением, или структурой, соотношением элементов и частей. И только человек *в своем собственно человеческом поведении* не определяется особенностями своего телесного строения¹.

Литература, посвященная генезису человека, обычно выделяет в качестве решающего отличия человека прямохождение и полна поисками природных обстоятельств, которые вынудили человекообразную обезьяну перейти к прямой походке. Наиболее распространенное объяснение состоит в том, что постепенное изменение климата в некоторых районах Африки заставило часть приматов перейти от древесного образа жизни к жизни в степи или в саванне, и вот эта смена образа жизни привела к тому, что наши предки выпрямились. Существует любопытная гипотеза «водной обезьяны» английского биолога Элистера Харди, поддержанная Яном Линдбладом [7, с. 68-70]. Согласно этой гипотезе, некая популяция приматов, собирая выброшенных на берег приливами моллюсков, рыб, водорослей, стала бродить по мелководью, затем заходить в воду все дальше, вынужденно держа голову над водой, и таким способом постепенно привыкла ходить прямо, не опираясь на передние конечности. А освобождение передних конечностей привело к их специализации на ловле и разделке при помощи острых камней раковин моллюсков, крабов, рыбы.

Основная мысль в таких объяснениях состоит в том, что в *определенных* природных обстоятельствах, которые необходимо только выяснить и уточнить, прямая походка обусловила преимущество в ходе *естественного отбора* и создала вид приматов, которые стали предками будущего homo sapiens.

Но такие объяснения упираются в тот эмпирический факт, что как раз переход к прямохождению поставил приматов в крайне невыгодное с точки зрения естественного отбора положение. Именно

¹ Иногда наше поведение все же определяется состояниями тела или психики, связанными с усталостью, гневом, самолюбием, обидой и т.д. Однако это означает, что сам человек позволил своей усталости, гневу, обиде, своим амбициям определять вместо себя свое поведение.

похолодание климата, сокращение площади лесов и необходимость перехода к жизни в саванне привели к тому, что наши прямоходящие предки были поставлены на грань вымирания [2, с. 68-70]. Не способствовала выживанию также неизбежная в связи с переходом к прямой походке болезненная перестройка организма – позвоночника и внутренних органов¹. Напомним, что даже современный ребенок не сам начинает прямо ходить, но в результате настойчивых требований и помощи на первых порах взрослых родителей.

Итак, зафиксируем, что прямая походка поставила наших предков на грань выживания, и тем не менее что-то заставляло их ходить прямо *вопреки требованиям естественного отбора*. Чтобы понять эту вынужденность перехода к прямохождению, необходимо сам этот переход рассмотреть в ином контексте, не через призму всегда случайных природных обстоятельств. Таким контекстом, как нам представляется, является система табу, которая сопровождает с самого начала историю становления человечества. Речь идет о запрете инцеста и введении соответствующих брачных правил, запрете употреблять определенные виды животных и растений в пищу².

Итак, возникает система запретов. Не является ли переход к прямохождению одним из элементов такой системы запретов? Тех, кто оказывался не способным выполнять требование ходить прямо вопреки всем неудобствам от такой походки, просто изгоняли из первобытной общины, обрекая на беззащитность и гибель. И лишь те, у которых получалось ходить прямо, могли давать потомство.

Идею того, что переход к прямохождению является результатом запрета на передвижение при опоре на передние конечности, автор заимствовал из лекций П.Я. Гальперина, которые слушал будучи студентом философского факультета МГУ, и которые были изданы в виде цитированных выше «Лекций по психологии».

Кстати, Гальперин в своих лекциях подчеркивал, что люди сначала, может быть, сотни тысяч лет обходились без изготовления каких-либо орудий, и тем не менее уже были людьми. Эту мысль он иллюстрировал примером «дикого посева»³. Оказывается, наши далекие предки использовали в пищу злаки, которые вырастали стихийно. Нужно было лишь собирать эти злаки, не вырывая все подряд, но оставляя в разных местах колосья, которые путем самопосева снова засеивали поляну и через какой-то период давали возможность опять собирать урожай.

¹ О неэффективности прямой походки ранних гоминид см. [3, с. 61, о высокой смертности женских особей, связанной с переходом к прямохождению, см.: [1, с. 155].

² П.Я. Гальперин пишет о том, что северные народности кормят своих оленей грибами и направляют оленьи стада туда, где растут грибы. Но сами грибов не едят и считают их совершенно несъедобной пищей, хотя всегда испытывают недостаток в продуктах питания. См.: [4, с. 127].

³ Данный пример не вошел в книгу П.Я. Гальперина, изданную, между прочим, на основе студенческих конспектов его лекций. См.: [4, с. 4].

Чтобы добиться от соплеменников такого поведения, которое прямо противоречило инстинктивному, вождь предварительно вел соплеменников на поляну, где росло что-то другое и тренировал вырывать растения таким образом, чтобы оставались отдельные кусточки. И только после того, как добивался гарантированно нужного поведения, отводил их на поляну со злаками собирать урожай. Этими тренировками он как бы вбивал им в головы, возможно, ссылаясь на заветы предков и сам в это веря, запрет собирать все подряд.

Итак, речь идет о системе запретов. И в эту систему запретов можно включить запрет передвигаться, касаясь земли передними конечностями. Вся эта система запретов, иногда полезных, а иногда чрезвычайно усложняющих выживание, имеет один общий знаменатель. Как нам представляется, этим знаменателем является императив противопоставления себя остальному животному миру.

Поэтому запрещается употреблять в пищу именно это растение, запрещается инцест и т. д. Собственное тело покрывается татуировкой, чтобы не иметь дело с тем телом, которое дается природой от рождения.

Эти запреты делали невозможным поведение, которое диктовалось, вспомним Декарта, естественным расположением органов.

Получается, что появление человека нельзя понять в качестве *закономерного* результата глобальной эволюции, включающей в себя, как мы установили выше, возникновение все более сложных по своему физическому и химическому составу форм косной и живой материи. Но отрицание закономерности должно означать, что появление человека есть дело *случая*. Ясно, что речь не идет о той случайности, благодаря которой появляются благоприятные природные обстоятельства: ландшафт, климатические изменения, защищенность от крупных хищников и т.п. Мы уже выяснили, что никакие природные обстоятельства не выводят живое существо за пределы зависимости от своего внутреннего строения. Они, если можно так выразиться, лишь лепят соответствующие им животные формы через посредство естественного отбора. Например, дельфины идеально приспособлены к той среде, в которой они обитают, и тем не менее остаются во власти инстинктивных форм поведения.

Итак, появление человека не является необходимым и уж тем более неизбежным, оно случайно. Но о каком виде случайности здесь может идти речь?

В истории философии мы встречаем по крайней мере четыре способа понимания отношения между случайностью и необходимостью.

Первое понимание дает атомистика Демокрита. Мир возник из вихревого движения атомов, и на этом этапе атомы вполне могли

сложиться в иной мир. Но в уже возникшем мире начинают господствовать необходимые причинно-следственные связи. А то, что некоторые явления для нас представляются случайными, есть результат незнания всей совокупности причин и следствий, приведших к данному событию. Эта точка зрения воспроизводится Спинозой, согласно которому возможное и случайное обозначают лишь недостаток нашего знания относительно существования вещи [10, с. 172]. Однако понятно, что господство однозначных причинно-следственных отношений (так называемый лапласовский детерминизм) не способно вывести за инстинктивные формы поведения, которые ведь тоже можно определить как особый случай причинно-следственных отношений: такое-то расположение органов определяет, а значит служит причиной вот такого круга поведения.

Другое понимание дал Гегель: случайность есть форма проявления необходимости. Опора на такое понимание случайности означала бы признание, что в законы природной эволюции все-таки заложено в качестве необходимости, что в соответствующих условиях, например, на планетах земного типа с некоторой *вероятностью*, пусть весьма низкой, но которую в перспективе можно более или менее точно *вычислить*, – появляется разумная жизнь. Вот здесь она так и не успела появиться, потому что соответствующий этап оказался слишком краткосрочен, а дальше жизнь приобрела такие формы, при которых разумные существа уже и не могли появиться. А вот на этих немногих планетах соответствующий этап растянулся на такой промежуток времени, что разумная жизнь успела возникнуть и не позволила появиться в значимом масштабе формам жизни, которые воспрепятствовали бы ей, разумной жизни, развиваться. Но если взять достаточно большие пространственно-временные фрагменты, то не в той, так другой точке пространства разумная жизнь с необходимостью возникнет.

Однако понятно, что мы здесь имеем дело с иной – именно вероятностной – формой все же тех же причинно-следственных отношений, которые как таковые, и это можно повторить, не могут вывести за инстинктивные формы поведения.

Третье понимание состоит в том, что случайное событие наступает в результате пересечения независимых друг от друга причинно-следственных рядов. Данный тип случайности описал еще Аристотель: человек перекапывал землю и наткнулся на клад. Ясно, что этот человек и тот, кто когда-то зарыл клад, действовали независимо друг от друга в силу своих собственных причин. Но вот один причинный ряд пересекся с другим во времени, и возникло случайное событие – обнаружение клада.

В таком случае появление разумной жизни на земле может быть объяснено через вмешательство внеземной цивилизации, которая поставила перед собой цель способствовать появлению разумной

жизни на подходящих для этого планетах. Представители этой цивилизации и ввели в качестве заветов предков или богов запреты на ходьбу на четвереньках, инцест и т.д. для одной из групп земных приматов.

Такое объяснение позволяет понять возникновение разумной жизни на Земле, особенно если обнаружатся артефакты неземного происхождения. Но оно не позволяет понять возникновение разумной жизни во Вселенной вообще. Потому что появление этой внеземной цивилизации придется объяснять через воздействие другой внеземной цивилизации, и так до бесконечности.

Наконец, речь может идти о четвертом виде случайности, который мы встречаем у Эпикура. Атомы в произвольной точке пространства и в произвольный момент времени отклоняются от предписанной траектории, установившейся в результате всего предыдущего существования Вселенной.

...уносясь в пустоте, в направлении книзу отвесном,
Собственным весом тела изначальные в некое время
В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться...
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
...То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа [8, с. 85].

Здесь отклонение атомов от отвесной линии – клинамен, обосновывается не ссылкой на законы природы или природные обстоятельства, но чисто логически при помощи отрицающего модуса (*modus tollens*): если нет *A*, то нет *B*. Но есть *B* - следовательно, должно быть *A*. У Лукреция: если бы атомы не отклонялись, то природа не породила бы ничего нового. Но в мире появляется то, чего раньше не было. Следовательно, необходимо постулировать отклонение атомов.

Важно, что здесь появляется тема соотношения необходимости и свободы, к которой мы скоро перейдем:

...Если ж движения все непрерывную цепь образуют...,
И коль не могут путём отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
...Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что ...допускает менять направленье не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побуждению? [Там же,
с. 87–88].

Здесь снова мы видим рассуждение на основе *modus tollens*: не было бы отклонения атомов от прямой линии, то была бы невозможна свободная воля. Но свободная человеческая воля является фактом. Следовательно, необходимо постулировать отклонение первоначал.

Попробуем развить тему клинамен применительно к генезису человека. В своей книге «Феномен человека» Тейяр де Шарден пишет о том, что нитью Ариадны, позволяющей обнаружить направленность эволюции жизни, является процесс дифференциации и усложнения нервного вещества, который выражается, в частности, через увеличение размеров мозга. Как только мы примем это, сразу множество родов и видов построится в ряд и распределение животных форм совпадет с контурами, установленными систематикой. Шарден добавляет, что такая стройность, постоянная и выразительная, не может быть случайной [11, с. 122].

Если согласиться с этим тезисом, а почему бы и нет, то получается, что первые люди вместе с системой табу, прямохождением и изготовлением орудий появляются где-то внутри биологической эволюции. Дело в том, что мозг дельфина по своей массе превышает мозг современного человека, у гориллы объем мозга близок к минимальному объему мозга современного человека.

А у первых людей объем мозга был в три раза меньше объема мозга современного человека [3, с. 74]. Это означает, что их мозг по своим размерам не отличался от мозга современных им приматов, которые жили при сходных природных условиях.

Получается, что при одних и тех же природных обстоятельствах – климат, географическая среда, степень угрозы от крупных хищников и равная величина мозга, – одни приматы продолжили движение по пути биологической эволюции, давая новые виды и подвиды (гориллы, шимпанзе и их разновидности), а другие начали двигаться совсем в другом направлении, которое привело – через многие тупики и попятные движения – к современному *homo sapiens*. Подчеркнем, что не было естественных причин сворачивать с пути биологического развития и начинать дрящуюся вот уже несколько миллионов лет одиссею к человеку видимых причин. Как пишет Тейяр де Шарден, человек вошел в мир бесшумно...

Чтобы понять принципиальную возможность данного процесса, обратимся к «Критике чистого разума» И. Канта, – к тому месту, где он излагает свою знаменитую антиномию необходимости и свободы [6, с. 350-353].

С одной стороны, выдвигается тезис: причинность по законам природы не есть единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире, и необходимо допустить свободную причинность. Для обоснования тезиса сначала принимается допущение, что все явления происходят исключительно через причинность по законам природы. Но тогда при объяснении явлений мы должны двигаться к все более ранним причинам, так и не достигая первого начала. А это противоречит принятому же допущению, согласно которому «ничто не происходит без достаточно определенной причины». Это противоречие заставляет постулировать

возможность *абсолютной спонтанности* причин, то есть способность ряда явлений *начинается само собой* и продолжаются далее по законам природы.

С другой стороны, выдвигается антитезис: не существует никакой свободы, и все совершается в мире только по законам природы. Принимается допущение, что возможна все же способность безусловно начинать некоторое состояние, которое не находится ни в какой причинной связи с предшествующим состоянием. Но это означало бы такую последовательность состояний, при которой «невозможно никакое единство опыта» [там же, с. 353].². Значит, и сама свобода невозможна.

Оставляя в стороне то, как сам Кант решает эту антиномию, зафиксируем главное: допущение спонтанности, или свободы, приводит к невозможности единства опыта. Но что такое опыт? Согласно определению самого Канта, «опыт возможен только посредством представления о необходимой связи восприятий» [там же, с. 184]. Значит, признание спонтанности делает невозможной систему восприятий, связывающую *все*, что происходит в мире, в виде *единого* ряда необходимых причин и следствий. Но это всего лишь означает, применительно к нашей проблеме, невозможность рассматривать антропогенез как часть единого природного процесса. Однако антропогенез, как мы ранее выяснили, и не может быть представлен в качестве такой части, потому что основан на запрете человеческого поведения под действием природных импульсов.

Таким образом, принятие спонтанности начала антропогенеза означает всего лишь невозможность в рамках некоей единой науки описать процессы природы и истории. Однако признание невозможности такой единой науки является общим местом в современной философии. Укажем лишь на Эдмунда Гуссерля, который в работе «Философия как строгая наука» подвергает критике так называемый натурализм, переносящий методы исследования природы на область сознания, которая, по Гуссерлю, есть особая, отличающаяся от природы, сфера реальности.

Таким образом, необходимо признать, что несколько миллионов лет назад спонтанно начался процесс формирования новой реальности, потому что некий фрагмент Вселенной отклонился самопроизвольно – клинамен – от линии глобальной эволюции.

Эта ситуация клинамен, или спонтанности, в принципе не позволяет решить однозначно в качестве теоретического вопроса относительно уникальности или множественности существования мыслящих существ во Вселенной. Уникальны мы или нет – вопрос факта, а не теории.

Итак, на планете Земля началось некое приключение на свой страх и риск без всякой гарантии на достижение какого-то определенного гармонического состояния. Эти странные существа,

кроме того, что свободно запретили сами себе (*самозапреты!*) поведение под действием инстинкта, начали изготавливать орудия для убийства себе подобных [1, с. 156]. И это изготовление остается настолько неустранимой чертой человеческого бытия, что со временем масштабы процесса только возрастают. Достаточно вспомнить современный размах производства средств массового уничтожения.

Другой чертой человеческого способа бытия является создание людьми в результате своей свободной деятельности все возрастающей угрозы нарушения природного равновесия.

Эта склонность постоянно ставить под вопрос собственное существование еще раз подтверждает, что появление человека ни в коей мере не является необходимым звеном природной эволюции.

Использованная литература

1. *Бородай, Ю.М.* Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания / Ю.М. Бородай. - М., 1996. – С. 156.
2. *Вишняцкий, Л.Б.* Человек в лабиринте эволюций / Л.Б. Вишняцкий. - М., 2004. - С. 74.
3. *Вишняцкий, Л.Б.* Человек в лабиринте эволюций / Л.Б. Вишняцкий. - М., 2004. - С. 68-70.
4. *Гальперин, П.Я.* Лекции по психологии: уч. пособие для студентов вузов / П.Я. Гальперин. – М., 2002.
5. *Декарт, Р.* Сочинения / Рене Декарт. – В 2-х т. – Т.1. – М.; 1989. – С. 282-285.
6. *Кант, И.* Сочинения / И. Кант. - В 8-т. - Т. 3. - М., 1994. - С. 350–353.
7. *Линдبلاد, Я.* Человек – ты, я и первозданный / Я. Линдبلاد. - М., 2004. – С. 68-70.
8. *Лукреций.* О природе вещей / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. - М., 1946. - С. 85.
9. *Мамардашвили, М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. - СПб., 2010. - С. 13.
10. *Спиноза, Б.* Об усовершенствовании разума: сочинения / Б. Спиноза. - М., 1998. - С. 172.
11. *Шарден, Тейяр де.* Феномен человека / Тейяр де Шарден - М., 1987. - С. 122.

Статья поступила в редакцию 11.01.2013 г.